

Се Цзин, Се Цзин, что же ты ко мне чувствуешь?

После такого дня, полного взлётов и падений, все утешали меня, говоря: «Спасся от смерти — обретёшь счастье». Вернувшись в резиденцию генерала, я принял ванну, переоделся, поел и, словно выжатый, рухнул на кровать. Только тогда до меня дошёл весь ужас произошедшего.

Отец ушёл успокаивать мать. Ши Ичжи и его отец уселись по бокам, каждый ухватив меня за руку. Один твердил: «Главное — жизнь спасена, обо всём остальном не думай», другой допытывался: «Да вспомни же, что ты государю сделал?» От их болтовни у меня голова пошла кругом.

Стало невмоготу. Я одной рукой стащил с изголовья полотенце, свернул его жгутом и шлёпнул на лоб, с тоской глядя на них. Старший Ши оказался смышленнее:

— Вижу, ты устал. Сегодня я ухожу.

Ши Ичжи всё ещё пытался сопротивляться:

— Если отец уходит, я останусь с тобой.

Я сухо усмехнулся:

— Э-э... Се Цзин сказал, что скоро зайдёт.

Ши Ичжи промычал «А...» и весьма тактично попрощался:

— Вдруг вспомнил — дел невпроворот. Я тоже пойду.

Я крикнул в ответ, мысленно похвалив Ши Ичжи: в критический момент парень оказался надёжным.

Когда солнце уже клонилось к закату — как раз перед ужином, — пришёл Се Цзин. К моему удивлению, отец не стал его прогонять, даже любезно уступил место и, сияя, принялся нахваливать:

— Третий молодой господин Се, в ваши годы — и такая смекалка, такая отвага! Мы, семья Сяхоу, этот долг запомним. Всё слышал от Цяня про вас, да не верилось. А теперь гляжу — дать бы себе тогда пощёчину!

Се Цзин улыбнулся, не особенно скромничая:

— Вы преувеличиваете, дядюшка.

Его взгляд скользнул ко мне, он нахмурился и тихо спросил:

— Ты... в порядке?

Взгляд его — какая-то вина, какая-то грусть, сдержанность и сожаление... Сказать, что он ко мне равнодушен, — сам не поверю!

После такого взгляда, даже будь со мной что не так, я бы сделал вид, что всё в порядке. Ни за что не покажу свою слабость перед ним.

— Какие проблемы? Я уже не раз на пороге смерти бывал, меня не испугаешь. Только, Цзыкэ...

Цзыкэ — взрослое имя Се Цзина. Хоть я и старше его на несколько лет, мне всегда нравилось так его звать — звучало и уважительно, и по-особенному.

Я прочистил горло и с подозрением спросил:

— Цзыкэ, как ты умудрился государя уговорить? Чем я заслужил помилование?

Се Цзин слегка отвел глаза и лишь после паузы неспешно ответил:

— Я лишь сказал государю, что убийца — другой человек, и попросил помиловать тебя. Пообещал найти настоящего преступника за месяц.

Я остолбенел:

— Месяц? Цзыкэ, это же... И как государь поверил, что не я, всего лишь после твоих слов?

Се Цзин прервал меня взмахом руки:

— Раз я так сказал, значит, зацепки уже есть. А что до государя... Я просто заметил, что генерал Сяхоу, хоть и не блещет умом, но не настолько же глуп, чтобы оставлять свои следы после такого преступления.

Я не удержался и снова шлёпнул полотенце на лоб:

— Цзыкэ, выходит, в твоих глазах я и вправду глуп?

Се Цзин холодно усмехнулся:

— Честно говоря, генерал Сяхоу, полагаю, большинство считает тебя именно таким.

Я: «...»

Сегодняшний Се Цзин казался каким-то другим.

Пока я размышлял, он повернулся к отцу и поклонился — вежливо, учтиво:

— Генерал, я пойду.

Отец радостно закивал, замахал рукой — с такой теплотой, будто императора провожал:

— Племянник Се, счастливо оставаться! Слышал, с отцом у тебя нелады. Коли домой возвращаться неудобно — моя резиденция всегда открыта.

Се Цзин ещё раз взглянул на меня, затем повернулся и удалился степенно. Оставил меня одного. Я ворочался, с трудом заснул и всю ночь видел сны, которые и описать-то неприлично.

Смертная казнь миновала, но наказание осталось. Как объяснил Се Цзин, государь хотя и согласился меня не казнить, но всё же счёл, что оставить его пьяного в переулке — поступок недостойный. Посему решил отомстить, наказать и понизить в должности: пусть, мол, два года ворота дворца охраняет.

Сегодня был день явки.

В отличие от прочих опальных чиновников, наша семья Сяхоу устоев не покинула. Отец мой

по-прежнему в столице живёт, так что даже теперь, когда я всего лишь простой алебарщик, сам командир императорской гвардии со мной здоровался.

Простоял я у дворцовых ворот три дня и насмотрелся на диковинки. Вот, к примеру, генерал четвертого ранга, приблизившись, спешивается и почтительно мне кланяется. Неловко, да не остановишь.

На десятый день моей службы государь, видно, терпение лопнуло — велел меня во дворец вызвать. И первым делом:

— Сяхоу Цянь, ты у нас такой способный. Что ж на небо не взлетишь, с солнцем рядом не встанешь?

Государя воспитывал князь Ци, а тот любил говорить всякую диковинную белиберду. Государь и перенял.

Переведа в уме эти слова, я спокойно опустился на колени:

— Виноват, государь. Не взлечу.

Гнев из-за несправедливого обвинения ещё не утих, потому и ответ вышел с подковыркой.

Я простоял на коленях добрых полчаса. Спина не ныла, ноги не затекали, дыхание ровное. Государь не велел вставать — и я молчал. Что ж, будем терпение мерить. Я, что два дня в засаде просидел, — выдержу. И что с того, что ты император? Только тебе можно злиться да гнев на других изливать? А я что, не человек? Умру здесь на коленях — что с того?

— Сяхоу Цянь.

Государь, закончив восьмой доклад, наконец удостоил меня взглядом.

— Спрошу-ка я тебя кое о чём.

Я уставился в пол перед собой, собравшись с духом:

— Спрашивайте, государь.

Государь слегка прищурился, уголки губ подрагивали. Голос звучал ровно — ни холодно, ни жарко:

— Слышал я от Хай Дэшэна, будто ты на платформе меня проклял — мол, ещё встречу с тем убийцей?

Спина моя непроизвольно согнулась. Весь гнев, вся гордость — всё вытекло вместе с холодным потом.

— Государь, я то...

— Сяхоу Цянь, слушай внимательно. Дело это знаем ты, я, сановник Се и Хай Дэшэн. Если пятый узнает — велю тебя четвертовать. Веришь?

— Запомню навеки!

— И у ворот больше не стой. Стыд один. Ступай домой, о поведении поразмышляй.

Государь высказался. Я вздохнул — с оттенком грусти — поднялся и поклонился:

— Благодарю государя.

Сделал два шага — и он снова окликнул:

— Постой. Скажи-ка, о чём именно размышлять будешь.

Я криво усмехнулся:

— О том... что обувь надо носить по ноге. И чтоб ни в коем случае не слетала.

Государь дёрнул уголком рта, потирая висок, и махнул рукой, прогоняя:

— Иди, иди. Доведёшь ты меня. Ишь, обижается ещё... Убить хотел — давно бы убил. Стал бы семь-восемь дней тянуть? Шэн Дайчуань...

Я поспешно ретировался, не расслышав конца фразы. Вернувшись в резиденцию, встретил дядюшку Линя — тот, согнувшись, доложил: родители мои да Лань, обрадовавшись, что я жив, с утра пораньше отправились в храм благодарность возносить.

Кстати сказать, с тех пор как я на том собрании Се Яня отбрил, отец мой занемог — и при дворе больше не появлялся. Теперь мы оба, отец и я, — люди свободные. Целыми днями петушиными боями да птичьими прогулками развлекаемся, а то и поупражняемся — весело.

Тронуло, что старик, годами не молодой, ради меня на гору поднялся — благодарность возносить.

Открыл дверь в главный зал — а там Ши Ичжи. Сидит на антикварном стуле, что я за бешеные деньги приобрёл, и ухмыляется во весь рот:

— Что, сегодня опять ворота сторожить?

Я головой покачал, подошёл, схватил его да отшвырнул в сторону, потом тряпочкой стул тщательно протёр — от спинки до ножек.

— Не-а. Государь сказал, стыд один, велел домой идти, о поведении думать.

Ши Ичжи подбородок потер, помолчал:

— И всё? Просто домой отправил, в должности не восстановил?

Я неуверенно кивнул:

— Видно, ещё не остыл. Заставил полчаса на коленях простоять — ни словечка о восстановлении. Теперь и ворота сторожить не велит. Не пойму я, чего он хочет.

<http://bllate.org/book/15934/1423817>